

К 125-летию Бориса Леонидовича Пастернака. Пророческое стихотворение «Рояль дрожащий пену с губ оближет...» и Чернобыль

Ph. D. & Dr. Sc. Lev Gelimson (Гелимсон Лев Григорьевич, литературно-художественный псевдоним Лео Гимельзон)

Директор Академического института создания всеобщих наук

Westendstrasse 68, D-80339 Munich, Germany

E-mail: Leohi@mail.ru

<http://litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=8677>

http://kekmir.ru/members/person_6149.html

Аннотация. Целостный лирический взгляд «из Германии туманной» «привезённых» туда «учёности плодов» на «вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный, всегда восторженную речь» страстного творения (с пророчеством «А в наши дни и воздух пахнет смертью») Нобелевского лауреата Бориса Пастернака после Марбурга до немецких переводов и жизни родителей и сестёр в Германии. Добавлены посвящённые поэту, прозаику, философу и музыканту стихотворение и акросонет автора собственной унифилософии.

Ключевые слова: Борис Леонидович Пастернак, лауреат Нобелевской премии, А в наши дни и воздух пахнет смертью, Чернобыль, акросонет, унифилософия.

УДК 82

Гуманитарный научный журнал Всемирной Академии наук «Коллегиум», 14 (2014), 32–43

Добавляются ссылки на некоторые последующие труды автора по теме

To the 125th anniversary of Boris Leonidovich Pasternak. Prophetic poem "The Trembling Grand Piano Will Lick Foam from Lips..." and Chernobyl

Ph. D. & Dr. Sc. Lev Gelimson (Gelimson Lev Grigorievich, literary and artistic pseudonym Leo Himmelsohn)

Director of the Academic Institute for Creating Universal Sciences

Westendstrasse 68, D-80339 Munich, Germany

E-mail: Leohi@mail.ru

<http://litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=8677>

http://kekmir.ru/members/person_6149.html

Abstract. Holistic lyrical view of "scholarship fruit" "from foggy Germany" onto "freedom-loving dreams, spunky and rather strange spirit, always rapturous speech" of this verse (with prophecy "In our days, even air smells of death") by Nobel laureate Boris Pasternak after Marburg before German translations and life of his parents and sisters with adding the verse and acrosonnet (dedicated to the poet, prose writer, philosopher, and musician) by the author of his own uniphilosophy.

Keywords: Boris Leonidovich Pasternak, Nobel laureate, And in our days even the air smells of death, Chernobyl, acrosonnet, uniphilosophy.

UDC 82

Humanitarian Scientific Journal of All-World Academy of Sciences "Collegium", 14 (2014), 32–43

References to some subsequent works of the author on the subject are added

Введение. Стихотворение «Рояль дрожащий пену с губ оближет...» – девятое, заключительное в цикле «РАЗРЫВ» сборника «ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ» (1916–1922) Бориса Леонидовича Пастернака. Текст по [Пастернак Б.Л. 1985: 136]:

«Рояль дрожащий пену с губ оближет.
Тебя сорвёт, подкосит этот бред.
Ты скажешь: – милый! – Нет, – вскричу я, – нет!
При музыке?! – Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, погодно?
О пониманье дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! – ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно что жилы отворить.

1918»

Материалы и методы. Целью данной литературно-критической статьи, основанной на методологии универсальных наук автора [Гелимсон 1992, Gelimson 1993, Gelimson 1995, Gelimson 2004] и в особенности на его унифилозофии, включая всеобщую сущность (унионтологию) [Gelimson Всеобщая сущность (унионтология) 2014] и уни(по)знание [Gelimson Уни(по)знание 2014], является попытка нового прочтения и целостного истолкования этого произведения. Для его понимания важно иметь в виду, что Пастернак окончил не только философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, но и композиторское отделение Московской консерватории (кроме оркестровки). А в 1912 года изучал философию «в Марбурге» так, что глава школы неокантианцев университетский профессор Герман Коген [Философский энциклопедический словарь 1983: 263] хотел сделать Пастернака немецким философом. Незабываем и цикл «Заняться философией» [Пастернак Б.Л. 1985: 88–92]. В статье используются литературоведческие понятия [Квятковский 1966, Литературная энциклопедия 1929–1939] и биографические сведения [Быков 2008, Емельянова 2006, Ивинская 2007, Пастернак Е.Б. 2004, Пастернак З.Н. 2004]. Синтаксическая инверсия в поэзии часто вынуждается ритмом и рифмами, очевидна и отмечается только в нетривиальных случаях.

Обсуждение. Тему разрыва можно считать сквозной и в творчестве, и в жизни Бориса Леонидовича Пастернака. Примеры:

1. Данный цикл, фактически (как и во многом сборник) посвящённый Елене Виноград, тогдашней возлюбленной поэта, и разрыву с ней. Между ними продолжал стоять образ её жениха – погибшего на фронте Первой мировой войны Сергея Листопада. (Треугольник «растительных» фамилий).

2. Стихотворение «Не волнуйся, не плачь, не труди...» (1931, [Пастернак Б.Л. 1985: 316–317]), обращённое к первой жене поэта Евгении (Лурье), и разрыв с ней. Обратим внимание на один из катренов:

«Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз –
Обоюдный обман обрубаем.»

Заметим слово «будущее» и будущее время всех последующих глаголов.

3. Стихотворение «Не плачь, не морщь опухших губ...» (1947, [Пастернак Б.Л. 1985: 396]), обращённое к возлюбленной Ольге Ивинской. Заметим, в самом начале их многолетнего романа. Мы встречаем шесть красноречивых строк:

«Быть женщиной – великий шаг,
Сводить с ума – геройство.

А я пред чудом женских рук,
Спины, и плеч, и шеи
И так с привязанностью слуг
Весь век благоговею.»

А за ними неожиданно следует не менее значимый катрен:

«Но, как ни сковывает ночь
Меня кольцом тоскливым,
Сильней на свете тяга прочь
И манит страсть к разрывам.»

В данном случае разрыва всё-таки не произошло. Разлучила кончина Бориса Леонидовича...

Кстати, ни в отношениях со второй женой Зинаидой (Нейгауз), ни в посвящениях ей речи о разрыве, насколько нам известно, не было. Просто с появлением Ольги Зинаиде пришлось «подвинуться», и образовался классический любовный треугольник.

А теперь вернёмся к рассматриваемому на удивление лирическому стихотворению, его композиции, неповторимой интонации, риторическому, фонетико-мелодическому и смысловому богатству.

Интересно меняется порядок рифмовки. В первой и третьей строфах, которые как бы опоясывают стихотворение, она опоясывающая, а во второй, которая стоит, можно сказать, на их перекрёстке, – перекрёстная. Это придаёт композиции дополнительное очарование оригинальности.

Видим будущее время глаголов в первом и втором катренах.

«Рояль дрожащий...»

Чудесный локальный приём – тематически оправданный эпитет как увертюра к произведению и настроению.

Тонкое наблюдение знатока-музыканта. Надо думать, на рояле играл в данном случае именно автор. «Закон исключённого третьего» в данном случае, конечно, переосмыслен.

Перекатывающийся громopodobный звук «р» (аллитерация), особенно при акцентированном художественном чтении (хотя бы и внутреннем), задаёт произведению на редкость напряжённый тон, который здесь именно благодаря синтаксической инверсии нарастает. Последний, характерный для данного цикла, ставит его, на наш взгляд, на особое место в любовной лирике не только Бориса Леонидовича. Ей присуще, скорее, относительное спокойствие. Достаточно вспомнить посвящения Пастернака второй жене Зинаиде (Нейгауз), например «Любить иных – тяжёлый крест...» [Пастернак Б.Л. 1985: 318], и такой пушкинский шедевр, как «Я вас любил...» (тоже о разрыве). Правда, переживая истинно трагическую участь своей возлюбленной Ольги Ивинской, иногда Борис Леонидович снова наращивает напряжение чувств и поэзии: «...Тебя вели нарезом / По сердцу моему» [Пастернак Б.Л. 1985: 409–410]. Но это, скорее, исключение.

Слышатся повторы гласных (ассонанс) «о» (и «а», если растянуть «я» до «я-а-а»). Более того, их чередование даёт почувствовать внутреннюю рифму, которая усиливает экспрессию. Интересны взаимодействие звуков «ль» и «й» и снижение напряжения от «ж» к «щ», которое придаёт плавность последующему переходу.

«...пену с губ облизнет.»

Явное снижение тона. «Развязка» первого предложения. Аллитерация на «п» и «б» и повторы гласных «е» и «у» усиливают эвфонию (благозвучие).

Очевидно олицетворение (прозопопея). С каким именно живым существом неявно сравнивается рояль? Надо думать, с достаточно значимым для Пастернака. Обратимся к известным фактам его биографии. Борис, погнавшись за девушками и сорвавшись с коня, повредил ногу, которая срослась с укорочением, и усилием воли впоследствии скрывал хромоту. Тот несчастный случай произошёл во время работы его отца Леонида Пастернака над картиной «В ночное». Так что сравнение, видимо, с конём, можно сказать, выстрадано. Ныне последний экзотичен, а тогда роль лошадей была неизмеримо выше. В любом случае слова «...пену с губ оближет» основаны на достаточно удалённой от рояля ассоциации (семантический ассонанс), но удивительно притягивают внимание именно затемнённым смыслом. Борис Леонидович был явно не чужд суггестивной лирике...

«Тебя сорвёт, подкосит этот бред.»

Строка обращена к Елене Виноград.

Кроме олицетворения, здесь нагнетание (амплификация): «сорвёт, подкосит». Можно назвать это и градацией, а именно, климаксом.

Бессоюзиe (асиндетон) придаёт фразе дополнительную динамику.

Сравнение некоторых процессов с бредом достаточно характерно для Пастернака. Можно назвать более раннее «И шелест листьев был как бред» («НА ПАРОВОДЕ», 1916 [Пастернак Б.Л. 1985: 66–67]) и более позднее «Речь половодья – бред бытия» («ОПЯТЬ ВЕСНА», 1941 [Пастернак Б.Л. 1985: 363–364]). Но там речь шла о шуме, а здесь – об исполнении музыкальных произведений. Может, и об импровизации (есть и одноимённое стихотворение Бориса [Пастернак Б.Л. 1985: 60]). Почему же и в данном контексте – «бред»? Самоирония? Вспомним, что Пастернак оборвал не только учёбу в консерватории, но и даже игру на рояле. Через несколько лет вернулся к ней на Урале и, видимо, после нового перерыва – при встречах с Еленой. Возможно, он, будучи очень взыскательным, не удовлетворился качеством своего исполнения. Но не исключено, что просто счёл последнее неуместным в столь накалённой обстановке. Ей соответствует «кульминация» предложения: «сорвёт, подкосит». Это усиливается сквозным повтором согласных (аллитерацией) «т» и «д». А звуки «р», «б» и «п» музыкально подчёркивают смысловую ссылку слов «этот бред» на предыдущую строку.

«Ты скажешь: – милый! – Нет, – вскричу я, – нет!

При музыке?!»

Прямая речь с тире взамен кавычек, но в подборку, чтобы не ломать строку. Почему слово «милый» начинается со строчной буквы? Может быть, чтобы подчеркнуть неверие автора: Елена заявляет о разрыве отношений. Двукратный крик «Нет!» – яростный протест автора против него. Тут же следует опровержение высказанного ранее (апофазия). Борис «реабилитирует» музыку риторическим вопросом-восклицанием, не только

не называя её больше «бредом», но и в косвенном виде фактически боготворя её. При таком накале страстей музыкальность речи исчезает.

«— Но можно ли быть ближе,
Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, pogodно?»

Строфический перенос (синафия) плавно объединяет первые две строфы (как и будущее время).

Начальное тире свидетельствует, похоже, о паузе автора, который продолжает прямую речь до конца стихотворения, если судить по знакам препинания. Чудесна «усечённая» рифма «оближет – ближе». Ясно, что «ближе» друг к другу (эллипсис). Да (риторический вопрос), полутьма и музыка обычно сближают любящих... Оригинальное сравнение «аккорды, как дневник», кажется, вызвано названными разрывами (и здесь разрыв!) отношений Пастернака с музыкой. Правда, скорее, нотные записи как дневник этих отношений. Почему «комплектами, pogodно»? Вероятно, по курсам консерватории и/или этапам самообразования не без влияния матери Розалии Кауфман, в молодости профессора Одесского музыкального общества. То ли Борис хотя бы в виде попури исполнял отрывки из произведений, которые он изучал в разные годы, то ли, импровизируя, опирался на былое.

«О пониманье дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! – ты свободна.»

Риторическое обращение (апострофа) к «пониманью дивному», словно живому.

Нетривиальна рифма «дневник – кивни» с «миграцией» «к».

Риторическое восклицание и олицетворение «пониманья дивного» с повелительным наклоном ступенчато снижают былой накал страстей до мудрого, спокойного повествования. Возвращается на сцену музыкальность речи: аллитерации на «в» и «н», повторы гласных «и», «о» и «е» и сочетания «ивн». Мысль усиливается лексическим повтором (в данном случае акромонаграммой) слова «кивни», которое подтверждает согласие. Пастернак отпускает возлюбленную на свободу.

«Я не держу.»

Переход к настоящему времени.

Литота (определение через отрицание): «не держу» взамен «отпускаю».

Эллипсис: выпало местоимение «тебя», которое легко подразумевается.

Прямое, автологическое продолжение мысли о свободе лирической героини, а также выражение личного отношения к ней.

«Иди, благотвори.»

Бессоюзиe придаёт фразе определённую динамику.

Повелительное наклонение обращено к Елене. Звучат повторы гласных «и», «о». А что слышится по смыслу? Намёк на её возврат к народнической деятельности. И, не исключено, если судить по отсутствию восклицательного знака, несколько ироническое отношение к ней. Ведь оба родителя Пастернака – профессора. А может, нет восклицания, чтобы подчеркнуть полное успокоение, умиротворённость лирического героя.

«Ступай к другим.»

Элемент параллелизма (амебейной композиции), который, пожалуй, можно назвать синонимическим, поскольку предыдущая строка начинается со слова «иди».

Дальнейшая – и столь же спокойная – конкретизация «повеления» «иди». Вероятно, также намёк на предстоящее замужество Елены. Прозаизм и сниженная лексика взамен патетики.

«Уже написан Вертер,»

Переименование (антономасия и одновременно метонимия): подразумевается, что «уже написан» Иоганном Вольфгангом Гёте роман в письмах «Страдания молодого Вертера» (1774). Не исключено, что также имеется в виду опера «Вертер» (1886, фр. "Werther", премьера в Венской придворной опере 16.02.1892) французского композитора Жюль Массне на либретто Эдуара Бло, Поля Милье и Жоржа Артмана по мотивам этого романа Гёте.

Вводится событие из другого литературного произведения (контаминация) – добровольный уход Вертера из жизни.

Аллюзия (намёк на это).

Вертер как символ добровольного ухода из жизни после того, как его любовь отвергнута. Можно сказать, что это и прономинация (замена нарицательного имени собственным).

Звучат повторы согласных «н» и «р» и гласных «а» и «е». Возникает прошедшее время. Всплывают в памяти творение Гёте, блестящее знание немецкого языка Пастернаком, его талантливая многоязычная переводческая деятельность. Именно Вертер здесь не случаен. Он «написал» по существу дневник любви в письмах, что приводит к дополнительной гипотезе применительно к сравнению «аккорды, как дневник». И тоже «отпустил» возлюбленную, чтобы она стала счастлива с другим. А после этого добровольно ушёл из жизни. Именно поэтому избрана запятая (взамен точки), соответствующая, возможно, чисто личной первоначальной мотивировке последующей концовки.

«А в наши дни и воздух пахнет смертью:

Открыть окно что жилы отворить.»

Пуант (афористические мысли как разрешение сюжета).

Явные, яркие метафоры и гиперболы с глубочайшим смыслом.

Антитеза и, видимо, оксюморон: живительный «воздух пахнет смертью».

Пожалуй, можно назвать первое и последнее слова второй строки её синонимическим кольцом (по аналогии с лексическим).

Здесь союз «и» употреблён в смысле «даже». Два «и» подряд – ещё не гиатус (зияние, дыра), но и не лучший вариант. В прозе куда уместнее «даже», но здесь это слово не помещается по ритму. Зато подчёркивается интонационно-логическая, смысловая пауза, которая подразумевается и, по-видимому, могла бы отобразиться с помощью несколько условного тире. А вот перед «что» в смысле «как» оно было бы уместно. В принципе имеется в виду очевидное сравнение «Открыть окно – всё равно, что жилы отворить» или «Открыть окно – как будто жилы отворить». Но ритм не допускает подобной «роскоши». Если сопоставить оба возможных варианта «что» и «как», то выбранный предпочтительнее, особенно при устном исполнении. В данном контексте безударное (атонированное) «что» передаёт своё ударение следующему за ним слову (проклитика) и гораздо дальше отстоит от неправильного гипотетического вопроса, чем «как».

Даже очень интересная и логичная по смыслу рифма «Вертер – смертью», повторы согласных «т», «д», «н» и гласных «а», «и», «е» и «о» меркнут перед ужасом такого по форме спокойного обобщения. Увы, мысли покончить с собой не были чужды Борису Леонидовичу. Известна и подобная его попытка в доме супругов Нейгауз, когда он в ответ на отказ Зинаиды перейти к нему от Генриха выпил йоду. Но Зинаида спасла Пастернака, заставив выпить молока. Потрясённый Генрих заявил, что навсегда уступает её Борису.

Но здесь мы видим, пожалуй, общее утверждение. Вероятно, имелись в виду Первая мировая война, революция и начавшаяся Гражданская война.

Заключение. Видимо, эти две строки – одно из главных пророчеств будущего лауреата Нобелевской премии 1958 года (которая была впоследствии передана его сыну). Ведь предстояли не только нынешнее более чем тревожное настоящее и особенно поворотное, однако, очень хочется надеяться, в итоге светлое грядущее. Впереди были переходный период, Великая Отечественная война и намного позже Чернобыль, к которому такое двустипшие относится как никогда буквально с возможной ролью эпитафии. Удивительно актуальны слова, сказанные за 68 лет до мировой экологической катастрофы! И не случайно именно это двустипшие стало эпитафией поэтического посвящения автора Чернобылю:

ЧЕРНОБЫЛЬ [Гелимсон 1990: 30; Himmelsohn 2004: 27–28;
Himmelsohn 2004-2: 54]

«А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно что жилы отворить.»
Борис Пастернак

Двадцать второе июня, двадцать шестое апреля...
Ночи, не ждавшие утра. Их не воротишь назад.
Знаем ли все их потери? Станем честней и добрей ли?
Мысли в неведенье бьются, путаются, тормозят.

Надвое судьбы ломая, вы, смертоносные даты,
как затаили пожары в листиках календарей?
Рвите туманы обманов! В памяти скорбной не тайте!
Траурность лент не бросайте в ящики галантерей!

Горькая чаша прозренья может шатать и без браги.
Вечно тревожное горе. Громы стихают фанфар.
Ломят бумажную гладкость наши родные овраги.
Сами судьбу мы варили, вот и попали в навар.

Смертью приправленный воздух. Пицца лучится на блюде.
Атомным ставший анчаром, вырвался бешеный джинн.
Чувство природного локтя как мы утратили, люди?
Выдержит разве живое – нашего пресса нажим?

Трепетна жизни былинка. Лязгают челюсти смерти.
Роем могилу прогресса. Как беспросветно порой!
Выси дерзующей мысли можно лишь сердцем измерить.
Жаль, что душа улетела, вечный забылся пароль...

«Как драгоценен дар пророчеств!» Эта строка из первого поэтического посвящения автора Борису Пастернаку является и подтекстом второго.

ПАМЯТИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА (II.1890 – V.1960) [Гелимсон
1991: 8–9; Himmelsohn 2004: 36; Himmelsohn 2004-2: 63]

«Февраль» не май: «навзрыд» не «плакать»...
«Свеча горит» в «метельных» платьях,
Насыщен колорит и густ.
Чему пропасть, чему родиться
На перекрёстке всех традиций,
В пересечениях искусств?

Как неподвластен увяданьям
Живой и трепетный фундамент,
Душой заложённый в душе!
«Захлёбываясь», с перебоем
Мы «дышим почвой и судьбою»,
Им сопричастные уже...

Нельзя поэзию придумать.
Не выкорчевать и не сдунуть
Впитавшееся в «плоть и кровь».
Всегда поступком было слово,
Не убоявшееся злого:
Оно не может быть игрой.

Как драгоценен дар пророчеств!
Себя провидцы приурочат
К предгрозьям громовых стихий.
Пронзая тёмные глубины,
Восходят ясно-голубые,
Как очи ангелов, стихи.

* *

Что в Вашем имени? Боренье!
Какие рифмы-оперенья
Посеребрили струны строк!
Не отпускают строф аккорды,
Озвучивая профиль гордый –
Так гармонично добр и строг...

Неслыханно: модерна корни,
Которых не было упорней,
Стволами классики пестрят.
И прямою корабельной
Как рвётся к сути, не робея,
Поэзии сосновый ряд!

За всё – платить. Морозит тело,
Но переделкинское дело –
«Влеченье, сила и захват».
Самозабвенностью запойной
Поэт «вакансию» заполнил.
Как «дерзок глазомер» отваг!

Эпохе открывая жилы,
Вы колдовали, ворожили
Превыше ругани, заслуг...
Сверкнул Вам премиальный Нобель,
Духовный окружил Чернобыль –
«Сохранен» камертонный слух.

Ждать пониманья довелось Вам.
Художник музыки, философ,
Шахтёр и пахарь бытия,

Вы, пленник вечности, вздымали
Пласты, в безвременья тумане
Ориентир не потеряв.

Вас гнули, гнули – Вы не гнулись,
Впитав, как губка, правду улиц
И вдохновение полей.
Под шелухой наветов – витязь!
Спиралью, годы, становитесь,
Слагая вечный юбилей.

БОРИС ПАСТЕРНАК (французский акросонет) [Himmelsohn 2004:
345; Himmelsohn 2004-2: 419]

Благословенный ураган страстей
Обворожительно пленяет думы,
Роня блики призрачной фортуны
И сокрушая лет водораздел.
Святым писаньем стынет на кресте
Прощанья горечь – чувствуем во рту мы,
А горы горя высятся – не дюны:
Спасенья нет на свисте скоростей.
Творенья искромётные объятья
Едва ль на миг отпустят – и опять я
Роскошным сновиденьем покорён:
Наивность, словно детская, сверкает
Алмазной драгоценностью корон,
Которые забвение свергают.

Есть ещё у автора в стихотворении «Над вскрывшейся рекой» (а именно, Камой) посвящённый и «Доктору Живаго» катрен

...Встречается Юрий Живаго с Ларисою.
Распахнутый пермский-юрятинский дом...

А росчерк на «бисере» – слово Борисово,
«подслушанный» «сумрак» – судьбы баритон...

Вспоминается «НА ПАРОХОДЕ», 1916 [Пастернак Б.Л. 1985: 66–67]:

«Седой молвой, ползущей исстари,

Ночной былиной камыша

Под Пермь, на бризе, в быстром бисере

Фонарной ряби Кама шла.

.....

На пароходе пахло кушаньем

И лаком цинковых белил.

По Каме сумрак плыл с подслушанным,

Не пророня ни всплеска, плыл.»

Библиография

Быков Д. Л. Борис Пастернак. Жизнь замечательных людей. – М. : Мол. гвардия, 2008. – 893 с.

Гелимсон Лев. Авторская песня. О Пастернаке и Мандельштаме, Цветаевой и Ахматовой, Слуцком и Асееве, Сумах и Владивостоке, футболе и любви: стихи / Предисл. Бориса Чичибабина; Ред. А. К. Булахова. – Сумы : Редакционно-издательский отдел облуправления по печати, 1991. – 38 с.

Гелимсон Лев. Неисчерпаемые имена. О Высоцком и Галиче, Волошине и Гумилёве, Хлебникове и Заболоцком, природе и судьбе: стихи / Предисл. Бориса Чичибабина; Ред. А. К. Булахова. – Сумы : Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1990. – 40 с.

Гелимсон Лев. Обобщение аналитических методов решения задач прочности. – Сумы : Изд-во «Друкар», 1992. – 20 с.

Емельянова И. И. Пастернак и Ивинская. – М. : Вагриус, 2006. – 336 с.

Ивинская О. В., Емельянова И. И. Годы с Пастернаком и без него. – М. : Плюс-минус, 2007. – 528 с.

Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 376 с.

Литературная энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1929–1939. – Т. 1–11.

Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Д.С. Лихачёва; Сост., подгот. текста и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; Худож. Л. О. Пастернак. – М. : Худож. лит., 1985. – 623 с., портр.

Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака : Документальное повествование. – Спб. : Журнал «Звезда», 2004. – 528 с.

Пастернак З. Н. Воспоминания. – М. : Классика-XXI, 2004. – 240 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Gelimson Lev. Всеобщая сущность (унионтология) с открытием непрерывного всеединства сверхэлементного мироздания (сущего и его бытия): законодательство: начала, первоосновы, законы и правила, или свойства, триединого всеохватывающего неразделимого сущего и его бытия как общности вещности и духовности. Мюнхен: Изд-во Всемирной Академии наук «Коллегиум», 2014. 80 с.

Gelimson Lev. Уни(по)знание, или всеобщие эпистемология, гносеология, методология: содействующая целостность средств, способов и стратегий сверхчувствительных исследования, постижения и преобразования триединого сущего и всеобщих наук автора: законодательство: начала, первоосновы, законы и правила, или свойства, всеобщих бесконечного, открытия и изобретения. Мюнхен: Изд-во Всемирной Академии наук «Коллегиум», 2014. 82 с.

Gelimson Lev. Basic New Mathematics. – Sumy: Drukar Publishers, 1995. – 48 pp.

Gelimson Lev. Elastic Mathematics. General Strength Theory. – Munich : The "Collegium" All World Academy of Sciences Publishers, 2004. – 496 pp.

Gelimson Lev. General Strength Theory. – Sumy : Drukar Publishers, 1993. – 64 pp.

Himmelsohn Leo. Полное собрание лирики. – Мюнхен : Изд-во Международной Академии культуры "Dominanta", 2004. – 512 с.

Himmelsohn Leo. Полное собрание лирики. Изд-е 2-е, перераб. и доп. – Мюнхен : Изд-во Международной Академии культуры "Dominanta", 2004. – 616 с.